

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПРОЗА

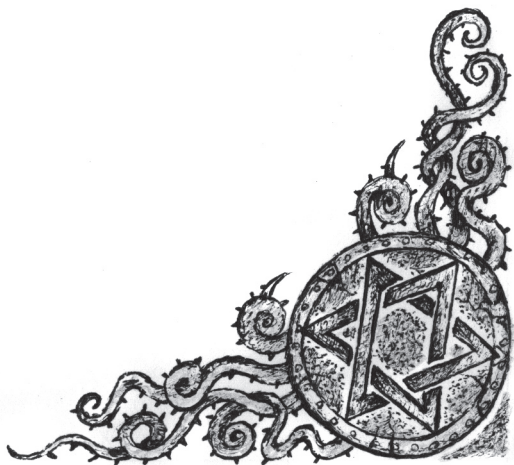
От переводчика. Говард Лавкрафт — расхититель гробниц

Говарда Лавкрафта принято считать в первую очередь автором ужасов, закрывая глаза на то, что узкие жанровые рамки едва ли отражают широту его писательского таланта. Точно так же гениального британца Герберта Уэллса — чьим большим поклонником Лавкрафт, к слову, являлся — принято в наше время помнить лишь фантастом, в то время как половина, если не больше, романов Уэллса — реализм, сатира, есть в их числе и любовные мелодрамы...

Работы, представленные в данном разделе книги, несомненно, могут быть причислены к «ужасам» — в той же мере, как, скажем, «Приключения Артура Гордона Пима» Эдгара По или уэллсовский, опять же, «Остров Эпиорниса». Да, здесь есть пугающие описания — хотя так и хочется охарактеризовать их скорее как «экзотические», — и никуда, конечно же, не делись узнаваемые имена пантеона циклопических божеств вроде Ктулху и Шаб-Ниггурат. Но попробуй, читатель, взглянуть на эти произведения как на прекрасные, высококлассные образчики приключенческой литературы. Разве в чем-то здесь «дедушка Л.» уступает ее мэтрам?

«Узник фараонов» написан Лавкрафтом под впечатлением от дружбы с величайшим шоуменом и иллюзионистом своего времени Гарри Гудини — хоть в тексте это нигде прямо не указано, он и выведен в истории главным героем. «Безымянный город» и «Курган», с их романтикой подземных миров с необычными и страшными обитателями, во многом предвосхитили набор сюжетов и приемов современных видеоигр с «открытым миром», они необычайно кинематографичны и пронизаны подлинно приключенческим духом встречи с неизведанным. Из невзыскательных черновигов литературного поденщика Адольфо де Кастро Лавкрафт создал остросюжетный триллер об электрическом палаче — нечто абсолютно несвойственное своему привычному стилю — и не менее захватывающую историю об эпидемии и цене научного открытия, в которой нотки научной фантастики неимоверно органично вплетаются в «готическую» канву. Из всех представленных в данном разделе книги историй «Ночь в музее» и «Правда о покойном Артуре Джермине и его семействе» наиболее «хоррорные» — но одни только описания предпринятой антагонистом сэром Роджерсом экспедиции в вековечные льды в первом рассказе или упоминания о затерянном в джунглях городе «белых обезьян» во втором живейшим образом воскрешают в памяти другой, также несомненно авантюрный шедевр мастера — «Хребты безумия».

Впрочем, ознакомьтесь с этими достойными представителями жанра сами — и решите для себя, сколь правомерен подобный взгляд на наследие одного из самых необычных и одаренных писателей начала бурного двадцатого века.

УЗНИК ФАРАОНОВ¹

Одной большой тайне свойственно притягивать к себе множество малых. Стоило мне прославиться в качестве виртуозного иллюзиониста и эскаписта, как фигура моя обросла всевозможными слухами и легендами, привлекающими все большее людское внимание к моей деятельности и персоне. Не буду отрицать, что не все из этих историй — правда; но замечу, что немало и таких, что в действительности имели место быть. Банальные и необычные, рискованные и скучные, связанные с наукой или же с искусством — много их было, и обо многих из них я рассказывал и буду рассказывать откровенно. Но есть одна, о которой я всегда вспоминаю с большим нежеланием, и если сейчас ее и поведаю, то только под давлением возрастающего интереса прессы, в распоряжение которой неведомыми лично мне путями попали кое-какие слухи.

¹ Рассказ, написанный в 1924 году для Гарри Гудини, пропитан популярным в те годы «духом спиритизма» — многие иллюзионисты, и Гудини не исключение, взяли за моду представлять свое мастерство как результат общения с потусторонними силами. Лавкрафт весьма вольно обошелся с персонажем, но самому Гудини произведение понравилось — до самой своей смерти в 1926 году он общался с Лавкрафтом, запланировав к соавторству еще целый ряд так и не написанных работ, самая известная из них — просветительский труд «Рак суеверия». Критик Лин Картер в своей работе 1972 года «Лавкрафт: Взгляд в прошлое мифов Ктулху» выделил эту историю как «одну из лучших того времени, написанных Лавкрафтом».

История эта напрямую связана с моим визитом четырнадцатилетней давности в Египет. Утаивал я ее в силу ряда противоречий. В частности, не поддается сомнению то, что есть в ней шокирующая правда, сокрытая от многих гостей страны фараонов — тех, что с энтузиазмом толпятся близ пирамид и территорий раскопок; правда, с большим усердием утаиваемая осторожными властями Каира, — уж они-то, вне всяких сомнений, осведомлены о многом! Но и в той же мере точно то, что какую-то часть произошедшего я домыслил, и домыслы эти, воплотившиеся в самый фантастический ряд образов, произросли всего лишь из моего увлечения египтологией и раздумий на эту тему, естественно возбуждаемых окружающей обстановкой. В итоге в памяти моей живет картина потрясающая и противоестественная, и тесно переплелись в ней впечатления как от небывалых фактов, так и от фактической небывальщины; границы между этими двумя категориями размыло время.

В январе 1910 года подошел срок окончания моего договора в Англии, и я подписал контракт на турне с австралийскими театрами. Так как турне это предполагало наличие свободного времени, я решил потратить его главным образом на путешествия, к коим питал плохо скрываемую слабость. Итак, в сопровождении жены я, полагаясь на благосклонность фортуны, пересек континент и в Марселе сел на пароход «Мальва», приписанный к Порт-Саиду. Перед отплытием в Австралию я вознамерился посетить исторические вехи всего восточного Египта.

Плавание выдалось приятным, но не без курьезов — а курьезы, должен вас заверить, следуют за иллюзионистом даже на отдыхе. Спокойствия ради я решил держать свое имя в секрете — и так бы и было, не плыви вместе со мной довольно-таки бесталанный собрат по профессии, выжимавший расположение из публики безыскусными трюками. Бросив ему вызов, я без особого труда одолел его — ценой того, что был узан. О разоблачении своего инкогнито я упоминаю не случайно, а в связи с конечным эффектом — эффектом, который мне следовало бы предвидеть, прежде чем раскрывать себя перед туристами на пароходе, которые потом разбрелись по всей долине Нила. Теперь, где бы я впоследствии ни появлялся, меня всюду узнавали. Я лишил себя и свою жену желанного спокойного отдыха. Путешествуя ради того, чтобы приобщиться к неизведанному, я сам в силу собственной гордыни стал предметом всеобщего приобщения, словно интригующий музейный экспонат.

Мы прибыли в Египет в поисках живописных мест, удивительных красот и волнующих тайн, но далеко не все наши чаяния оправдались, когда судно

медленно приблизилось к Порт-Саиду и всех нас пересадили в небольшие лодки. Низкие песчаные дюны, раскачивающиеся на поверхности мелких вод буйки и отчаянно непримечательный городишко европейского образца, где и увидеть-то нечего, кроме памятника Фердинанду Мари де Лессепсу, побудили нас двинуться в дальнейший путь, чтобы повидать что-то более интересное и достойное нашего внимания. Немного поразмыслив, мы надумали сразу же отправиться в Каир и к пирамидам, потом — в Александрию на австралийский пароход. Там, к слову, попутно можно было ознакомиться и с красотами греко-римского периода, которыми был известен древний метрополь.

Путешествие поездом вышло довольно-таки неплохим, да и отняло у нас всего четыре с половиной часа. Мы узрели большую часть Суэцкого канала, вдоль которого следовали, и получили беглое представление о старом Египте в быстро промелькнувшей перед глазами панораме восстановленного и наполненного водой канала времен Римской империи. Потом наконец показался Каир, мерцающий огнями в сгущающихся сумерках, — там нас встречал блистательный гранд-вокзал.

Но нас вновь ожидало разочарование, ибо все вокруг было европейским, кроме, пожалуй, одеяний прохожих и их облика. Обычный подземный переход вывел нас на площадь, ярко освещенную электрическими огнями, сверкающими на высоких зданиях, всю в мельтешении отъезжающих трамваев и таксомоторов. По случаю мы очутились рядом с тем самым театром, где меня тщетно просили выступить, который я позже посещал как зритель.

Мы поселились в отеле «Шепард», куда добрались на такси, быстро мчавшемся вдоль широких, застроенных в стиле «модерн» улиц. Среди всей этой главным образом англо-американской роскоши дивный Восток с его древним прошлым казался чем-то бесконечно далеким, минувшим.

Следующий день, однако, вверг нас в восхитительную атмосферу арабских ночей — извивающиеся улочки и экзотические силуэты Каира на фоне неба, казалось, вновь оживили Багдад времен Гаруна аль-Рашида. Сверяясь с «Бедекером», мы прошли площадь Атаба и двинулись по улице Муски на восток, к кварталам, населенным подлинными по крови и рождению египтянами. Вскоре мы прибились к брызжущему жизнерадостностью и энергией гиду, и, несмотря на то, в каком свете этот персонаж предстал позднее, я до сих пор дивлюсь его мастерству.

Много позже я пожалел о том, что в отеле не обратился к дипломированному gidу. Доставшийся нам проводник, впрочем, внушал

доверие — ухоженный и представительный обладатель примечательного приглушенного голоса, напоминавший фараонова отпрыска и назвавшийся Абдулом Рейсом эль Скурсавадом. Создавалось впечатление, что он сам по себе какая-то местная достопримечательность или знаменитость, но в полиции нам позже заявили, что человек с таким именем им неизвестен. Позже я и сам понял, что имя было вопиюще вымышленным, а «эль Скурсавад» — не более чем иронично искаженное «на восточный манер» слово «экскурсовод».

Абдул показал нам такие чудеса, о которых мы только читали или знали понаслышке. Древний Каир сам по себе словно удивительная книга, роскошная мечта — лабиринты узких улочек, полных необыкновенной таинственности, балконы в арабском стиле и эркеры, почти срастающиеся в одно над мощенными бульжниками улицами; водоворот восточного транспорта с его необычными звуками и выкриками, щелканье кнутов, грохотанье тележек, звон монет, пронзительный крик ослов; мозаика многокрасочных одежд, паранджи, тюрбаны, фески; водоносцы и дервиши, собаки и кошки, предсказатели и парикамахеры; и над всем этим монотонные песнопения слепых нищих, низко кланяющихся из подворотен, и громкие молитвы муэдзинов в изящно расписанных минаретах, чьи купола попирали голубой небосвод.

А местные базары — ну разве не чудо? Так и пестрят шелка и ковры, пузырьки духов и россыпи пряностей, четки и бусы, медь и латунь. Вот старый как мир Махмуд Сулейман сидит, скрестив ноги, в окружении чудных сосудов и бутылок; а вот молодые торговцы горчицей толкут свой товар на обломке древней античной колонны, что, возможно, помнит еще Гелиополь и легионы римского владыки Августа. Древность мешается с экзотикой; мечети соседствуют с музеями; живой и жизнелюбивый арабский колорит, привнесенный халифами-сарацинами в Средние века, оттеняет мрачно-торжественный дух того Египта, каким его помнили фараоны и жреческие династии.

Солнце уже садилось, когда мы, совершив подъем по скалистому склону, обошли вокруг современной мечети Мохаммеда Али и бросили взор с головокругительной высоты на таинственный Каир, весь сверкающий золотом резных куполов, воздушных минаретов и пламенеющих яркими багровыми красками садов. Высоко над городом будто бы парил огромный римский купол нового музея; а за ним, по ту сторону загадочного желтого Нила, праотца великих родов, притаились грозные пески Ливийской пустыни с ее переливающимися барханами и древними зловецами тайнами.

Низко опустилось утомленное солнце, принеся прохладу египетским сумеркам; и в последние минуты его пребывания на этой стороне Земли мы увидели вырисовывающиеся на фоне его багряных лучей темные контуры пирамид Гизы — убеленные сединами веков усыпальницы, сохранившиеся с того времени, когда Тутанхамон взшел на золотой трон в Фивах. Прогулка по сарацинскому Каиру завершилась — нас ждал Египет, таинственный и древний; Египет Ра и Амона, Исида и Осириса.

На следующее утро мы отправились к пирамидам. Сев в двуколку, мы пересекли остров Гезиру с его рощами гигантских лебахий и по небольшому мосту, построенному по английскому проекту, выехали на западный берег. Миновав зоосад в предместье Гизы, а затем свернув в направлении Эль-Харам, мы пересекли район каналов и бедняцких лачуг. Внезапно из утреннего тумана перед нами предстал, отражаясь во многочисленных лужах, объект нашей поездки. *Сорок веков смотрели на нас с вышины этих пирамид*, молвил в этом самом месте своим солдатам Наполеон.

Дорога начала крутой подъем, и мы достигли посадочной платформы между трамвайной станцией и отелем «Мина-Хаус». Абдул Рейс, предельно быстро раздобывший нам билеты, казалось, прекрасно ладил с толпящимися здесь шумливыми бедуинами, жителями окрестных деревень, считавшими чуть ли не долгом своим докучать каждому встречному путешественнику. Он старался не подпускать их к нам. Раздобыв отличную пару верблюдов для нас, сам гид взобрался на осла и поручил вести наших животных группе мужчин и подростков, которые скорее обернулись для нас лишними тратами, чем подспорьем. Местность, которую нам предстояло пересечь, была настолько коротка, что вряд ли была необходимость и в верблюдах, но мы не жалели о том, что обогатились таким опытом — ездой на славных «кораблях пустыни».

Пирамиды были возведены на выдающемся каменном плато, близ самой северной группы усыпальниц, строившейся исключительно для мемфисской знати. Мемфис, деливший с пирамидами один речной берег, ныне не был столицей Египта; строго говоря, он вовсе прекратил свое существование. Период его расцвета остался в далеком прошлом — между 3400 и 2000 годами до нашей эры.

Самая большая пирамида, расположенная ближе всех к современной дороге, была возведена фараоном Хеопсом — или, если угодно, Хуфу — в ту памятную плодотворную эпоху. Высотой она сравнима с телебашней. Юго-восточнее нее стоит вторая пирамида, выстроенная фараоном Хефреном на полвека позже — пусть она чуть меньших размеров, смотрится даже

внушительней первой, из-за поднятого выше уровня песков фундамента. Значительно меньшая третья пирамида — усыпальница фараона Микерина — относится приблизительно к 2700 году до нашей эры. На краю плато, прямо к востоку от второй пирамиды, восседает исполинский Сфинкс, лицу которого, как издавна принято считать, придано портретное сходство с фараоном Хефреном, — безмолвный, сардонический и невероятно мудрый. Существует множество жутких историй о том Сфинксе, каким он был до преобразования в Хефрена — впрочем, какими бы ужасными ни были его прежние черты, древний царь мудро заменил их своими, дав людям смотреть на этого колосса без страха и содрогания.

Малые, не представляющие большого интереса пирамиды и остатки разрушенных малых пирамид рассеяны по всему плоскогорью — то тут, то там проступают следы гробниц и захоронений, принадлежащих жрецам и священнослужителям меньшего ранга. Эти гробницы изначально обозначались с помощью усеченных пирамид вокруг помещенных на большей глубине надгробий. Традиционно эти *мастабы* находились лишь на мемфисских кладбищах — в Гизе подобные зримые приметы были разрушены временем или уничтожены мародерами; остались только высеченные из камня надгробия, занесенные песком либо же расчищенные археологами — одно лишь доказательство былого существования. Каждая гробница сообщалась с часовней, в которой жрецы и родственники поминали умершего, оставляли подношения и читали молитвы витающей здесь *ка*. У небольших гробниц были свои малые часовни, расположенные прямо в мастабах или надстройках; часовни пирамид, в которых покоились фараоны, были обособленными храмами. Они имелись в восточной части каждой такой пирамиды и были соединены мощеной дорожкой с центральным храмом или же монументальной аркой, поставленной у края каменистого плато.

Именно у входа в центральный храм была обнаружена диоритовая статуя Хефрена в натуральную величину. Ныне она хранится в одном из музеев Каира — статуя, пред которой я побывал лично, пред которой испытал благоговейный трепет. Произведены ли сейчас раскопки этого величественного сооружения, я не могу сказать с уверенностью, но в тысяча девятьсот десятом году основная его часть находилась еще под землей и по ночам вход в него был прегражден вооруженной охраной. Всеми работами тогда руководили немцы. Я многое бы отдал — принимая во внимание свой опыт, а также распространяемые бедуинами слухи, — чтобы узнать, что же произошло в поперечной галерее, где статуи фараона были обнаружены в непосредственном соседстве со статуями бабуинов и других животных.

Дорога, по которой мы в то утро ехали верхом на верблюдах, резко забирала влево от полицейского управления, почты, аптеки и магазинов, круто спускаясь на юго-восток, и там окончательно сворачивала к каменному плато, сталкивая следующего по ней лицом к лицу с великой пустыней и не менее великой Пирамидой. Мы проехали мимо гигантской каменистой клады, завернули с восточной стороны и посмотрели вниз, на парк малых пирамид, за которыми извечный Нил, блестя на солнце, нес свои воды на восток. Крупнейшее из сооружений этого парка лишилось изначальной облицовки, придававшей в свое время завершенность и гладкость монументальной фигуре, — время обнажило серость каменной кладки; но его более удачливые сестры-пирамиды сохранили свою цельность и задуманную древними зодчими эстетику.

Подойдя к Сфинксу, мы молча застыли под взглядом его слепых глаз. На широкой каменной груди исполина с трудом читался символ Ра-Горахти, за копию которого принимали Сфинкса в более поздних династиях. Хотя надпись между огромными лапами чудовища и была сокрыта песком, мы вспомнили о ней — слова принадлежали Тутмосу IV и описывали откровение, что посетило его пред наследованием престола. Суть откровения того вселяла страх перед улыбкой Сфинкса и пробуждала в памяти подробности легенд о подземных лабиринтах, расположенных под исполином, — лабиринтах, ведущих вниз на такие глубины, на которые не каждый осмелится посягнуть, глубины, связанные с тайнами более древними, чем открывшийся нам династический Египет. Секреты антропоморфных зверей-богов нильского пантеона! Именно они побудили меня задаться кошмарным в своей невинности вопросом, скрытый подвох коего стал понятен мне лишь позднее.

Понаехавшие отовсюду туристы мало-помалу нагнали нас, и мы направились от них прочь, к занесенному песком Храму Сфинкса — центральному храму при второй пирамиде. Большая его часть все еще находилась под землей, во власти песков. Спешившись, мы спустились по проходу вполне современного облика в гипсовый коридор, а из него перешли в колонный зал — и чувствовал я, что Абдул, равно как и местный немецкий гид, показывает нам не все, что здесь можно было увидеть.

Нашему досмотру подверглись вторая пирамида с характерными руинами восточной часовни, третья пирамида с ее миниатюрными южными сателлитами и разрушенным храмом, каменные надгробия и могилы представителей четвертой и пятой династий и, наконец, знаменитая усыпальница Кэмпбелла, зияющая черным провалом в пятьдесят три фута глубиной с

возлежащим на дне саркофагом. Один из наших погонщиков очистил его от песка, спустившись в головокружительную бездну на веревке.

Тут от великой пирамиды до нас донесся гомон. Это бедуины осаждали группу туристов, наперебой предлагая на спор совершить скоростное восхождение на вершину пирамиды. Говорят, рекордное время для такого подъема и спуска — семь минут, но диковатые дети песков заверяли нас, что способны уложиться и в пяток, был бы только необходимый стимул в виде щедрого *бакшиши*.

Никакого стимула они не получили, зато Абдул по нашей просьбе сводил нас на вершину пирамиды — оттуда мы получили возможность полюбоваться не только небывалой красоты видом далекого, мерцающего огнями Каира, увенчанного золотисто-лиловыми вершинами гор, но и всеми пирамидами в этой округе, от Абу Рош на севере до Дашура на юге. Сооружение Саккара, являющее собой пример эволюции невысокой мастабы в собственно пирамиду, заманчиво проступило в песчаной дали. Как раз недалеко от этого места была обнаружена знаменитая гробница Пернеба — более чем в четырехстах милях севернее фивейской Долины Царей, где покоится Тутанхамон. И вновь я вынужден замолчать, испытывая истинный благоговейный восторг. Вид той классической древности — вкупе с тайнами, которые каждый здешний монумент, казалось, хранил и вынашивал в себе, — наполнили меня глубоким почтением и трепетом, каковой я давно уже ни пред чем не испытывал.

Устав от крутого подъема и чувствуя отвращение к назойливым бедуинам, которые дошли до того, что уже пренебрегали всеми правилами приличия, мы упустили возможность пройти по тесным внутренним ходам открытых пирамид, хотя и видели, как некоторые особо упорные изготовились к вояжу по душным лабиринтам величайшего памятника фараону Хеопсу.

Когда мы, снова заплатив, отпустили наших местных проводников и поехали обратно в Каир с Абдулом Рейсом под слепящим полуденным солнцем, мы волей-неволей стали сожалеть об утерянном шансе. Столько интересного рассказывали об этих подземных ходах! Конечно, не в справочниках для туристов — те, по традиции, предоставляли в ваше распоряжение лишь скупые и скучные описания; но какие ходили истории вне тех мертвых страниц! Входы в подземные пассажи были опечатаны некоторыми собственниками-археологами — якобы для сохранения целостности и взятия различных проб, но кто знает, что они скрывают на самом деле?

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПРОЗА

От переводчика. Говард Лавкрафт — расхититель гробниц	4
Узник фараонов	6
Ночь в музее	33
Электрический палач	61
Последний эксперимент	79
Правда о покойном Артуре Джермине и его семействе	119
В стенах Эрикса	130
Безымянный Город	155
Курган	167

РОМАНТИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Еще немного от переводчика. Вечное сияние чистого Лавкрафта	232
Белоснежный Корабль	234
Ex Oblivione	241
Отщепенец	244
Погибель, Сарнат постигшая	251
Ночной океан	258
Зеленый луг	276
Полярная звезда	283
Прелестница Эрменгарда	287
Сквозь врата серебряного ключа	296
Волшебство Афлара	331